

Веч. клуб. — 1994. — 6 дек. — С. 7.

Гость «ВК»

Сегодня в гостях у «Вечернего клуба» народный артист, лауреат Государственной премии, самый неожиданный, самый ищущий и смелый театральный режиссер, создавший «Ленком», где всегда аншлаг, куда становятся в очередь за билетами на месяц вперед...

Марк ЗАХАРОВ:

наверное, в то время для русского театра такое прочтение было нужным и полезным шагом. Повторяю, в принципе сам Чехов видел несколько иначе те ситуации, которые сочинил и смоделировал в принципиально новой драматургической структуре. Поэтому глубокомысленно-задумчивая, замедленная многозначительная лирика мне кажется явлением, во многом несвойственным этому драматургу. В Чехове больше темперамента, энергии, действия, непредсказуемых зигзагообразных движений в жизненных процессах, во взаимоотношениях людей. И взаимоотношения эти развиваются по неизвестным, зрителем не прогнозируемым вариантам.

— «Чайку» Чехов начал писать в 1895 году, ставшем одним из роковых звеньев в цепи российской истории. Чем же сегодня привлекает вас эта пьеса?

— Тот или иной спектакль, если быть совсем откровенным, принимается по нескольким причинам. Желание занять определенных актеров; стремление уйти от зрительского прогноза, сделать что-то другое, не то, чего от тебя ждут, не черпать два раза из одного и того же колодца (после «Женитьбы Фигаро» — почти мюзикла, должно было появиться нечто абсолютно иное). Так, вслед за «Юноной...» мы поставили «Трех девушек в голубом», спектакль, который запомнился и вызвал довольно единодушное одобрение, наверное, замешанное в немалой степени на политической злободневности: впервые во всеуслышание заговорили о том, что советские люди живут вовсе не так, как о том пишут наши газеты. Наконец важная причина — возможность актерам соприкоснуться с высокой драматургией. Мы мучительно пытаемся понять: что мы такое, кто мы такие? Еще лет двадцать пять назад казалось: два-три удачных указа или хороший закон все поменяют. Как рассказывал мне Михаил Жванецкий, одно время Аркадий Исаакович Райкин был убежден, что он знает, что именно нужно сделать в России для счастливой жизни. Сейчас, после некоторых политических событий, мы все как бы в замешательстве. Нет единодушия, что бытовало на знаменитых кухнях шестидесятников (к которым я и себя отношу). Размежевание произошло и в среде творческой интеллигенции. Так вот, что же у нас за характер? Кто мы? Бунтари, непокорные, непослушный народ? Почему не можем прокормить себя, наладить какие-то простые связи, жить достойно? Почему абсурд пронизывает всю нашу обществен-

навливаются так называемые договорные цены на театральные билеты. Опять же не знаю, в силу каких законов и правовых норм возникла практика — произвольно устанавливать цену билета не на свой спектакль. Из-за этого мы теряем зрителя, ради которого работаем. Очень важно, чтобы в «Ленком» приходили школьники, студенты, пенсионеры — те, кто по своим социальным возможностям не примыкает к преуспевающему классу.

— Марк Анатольевич, вы это искренне говорите?

— Последние лет 6–8 не вру... Мне не шибко приятен зал элитарно презентационный (хотя к каждому присутствующему в отдельности отношусь с уважением). Серьезно стараюсь продлить те традиции, которые установили Станиславский и Немирович-Данченко, назвав свой театр Художественным Общедоступным. Понимаю, Майкл Джексон, Патрисия Каас — великие актеры. Но на их концерт я бы не потратил столько денег. По-моему, в этом есть что-то — боюсь сказать: безнравственное. Но... В общем, наше общество еще не в том состоянии, в котором допускаются столь резкие перепады между финансовыми возможностями российских граждан и стоимостью зрелища.

— Как строятся ваши отношения с молодыми актерами «Ленкома»? У вас репутация довольно властного режиссера.

— Стараюсь дать возможность проявить себя каждому, кого приглашаю в труппу. Пока удается платить молодым актерам больше, чем платят в других театрах; щедро помогают и московское правительство, и спонсоры. Те, кто поддерживают «Ленком» и дают право ставить то, что мы хотим, и так, как мы хотим. Все. Никакой особой «специфики» во взаимоотношениях нет.

— Насколько справедлива по отношению к актерам поговорка «Всяк сверчок знай свой шесток»?

— Я за театральную иерархию. За то, чтобы, скажем, Инна Чурикова, Олег Янковский или Леонид Броневой получали за работу в несколько раз больше, чем актер, только-только начавший свой путь, даже если ему очень нужны деньги. Я против всяческой уравниловки. Уравниловка вообще очень сильно навредила в нашем государственном и общественном строительстве. Однако очень часто происходит следующее (пожалуй, для театра такие странные явления даже закономерны). Иннокентий Смоктуновский, великий актер, одно время работал в Театре имени Ленинского

«Так что же у нас за характер? Мы умнее многих, а живем хуже других»

— Восторженные отзывы о ваших спектаклях — «Мудреце», «Поминальной молитве», например, — сменяются жесткой критикой на премьеру «Чайки». Как реагируете на уколы?

— Отрадн довольно высокая оценка нашей работы: Виктор Сергеевич Розов, человек более чем авторитетный, выступил с убедительно обоснованными позитивными суждениями. Искренне и горячо похвалил нашу работу театральный критик Александр Свободин. Есть и другие добрые отзывы. Я чужд высокомерия, которое встречается в нашей среде, а некоторыми коллегами даже культивируется: дескать, на негативные отклики не стоит обращать внимания. Обращать надо. Каждая «плохая» статья с разгромными и даже, что сегодня стало модно, грубыми высказываниями огорчает. Каждая подбадривающая стимулирует. Думаю, через год-другой мы поймем, что же произошло у нас с «Чайкой». Пока ясно, что с ней мы вышли из своей ниши. Нам отдали «Фигаро», «Тилья», «Юнону» и «Авось». Хотите веселиться с музыкой? Веселитесь! Ставьте такие спектакли, которые бы радовали, создавали праздник зрителю... Более серьезное исследование вызовет, не исключая, ревностные и не совсем объективные оценки. Со многими суждениями по адресу «Чайки» не могу согласиться. Хотя я, в общем-то, человек покладистый и понимаю, что каждый имеет право на особое мнение. Однако предпочтительнее, если бы критик заявил просто: «Мне это не понравилось, я, так сказать, не полюбил этот спектакль, он — не мое». Такого отзыва для меня вполне достаточно. Когда же в прессе возникают аргументы сомнительного свойства, они вызывают у меня более сложную реакцию...

— Считаете, что критике не мешало бы прежде всего посмотреть в зеркало на себя?

— Ну-ну-ну... Ничего плохого о критике говорить не хотелось бы. Ссориться с ней не стоит, не выгодно театру. Конечно, трудно не увидеть, что критика изменилась: возникли новые интонации, подчас нарочито вызывающие. Вероятно, тем или иным людям надо зарабатывать имя, обращать на себя внимание. Очень часто их резкость, граничащая с грубостью, продиктована борьбой за соб-

ственный имидж или за подписчика. Особого удивления подобная задиристость у меня не вызывает. По-человечески я это понимаю.

— Один из прозвучавших упреков — отечественные режиссеры предпочитают один и тот же репертуар. Чехов не сходит со сцен столичных театров.

— На Западе тоже много ставят Чехова. Гораздо больше, чем в нашей стране. Чехов — великий реформатор современного психологического театра. Он — космическое явление в литературе, в драматургии. Начинаем осознать, что он так же многогранен и безграничен, как Шекспир. Лет десять-пятнадцать назад Чехов ассоциировался у нашего зрителя (простите излишнюю прямолинейность) с чем-то скучным, многозначительным. «Вечерняя лирика». Люди ничего не делают; шуря на верхние осветительные приборы театра, высказывают якобы глубокие мысли, якобы размышляя, якобы про всю жизнь. Да, нормальные люди живут, как правило, без каких-то особых внешних потрясений. Хотя в каждой пьесе Чехова стреляют. Но не в этом дело. В общем, жизнь течет буднично. Но! Ломаются судьбы, разбиваются сердца, люди страдают, не выходя на тот уровень духовного взлета, на который, наверное, способны. Прозрения и умные, дорогие сердцу суждения соседствуют с глупостями, нелепостями, несуразностями. Чехов очень хорошо знал наш характер, русскую душу, русский быт. Мы ведь действительно живем не очень складно. Недавно в одной статье я написал (и очень горжусь этой фразой): «Мы умнее многих, а живем хуже других». Кстати, жить так начали не с 1917 года, а много раньше. Чехов это почувствовал.

— Марк Анатольевич, почему, несмотря на трагический финал «Чайки», Чехов называется пьесу комедией?

— У нас много смеются. Первая часть нашего спектакля периодически вызывает в зале дружный хохот; не знаю, с чем его и сравнить. Есть вопрос, который старательно обходят наши даже наиболее эрудированные театроведы. Чехову ведь не понравились МХАТовские спектакли, где жужжали сверчки, квакали лягушки, жужжали комары. Словом, когда создавалась «настроенщина». Хотя,

политическую и государственную жизнь? Почему, несмотря на высокие озарения, порывы, взлеты, которые оплодотворили искусство и культуру земной цивилизации (Достоевский, Чехов, Стравинский, гении Серебряного века и т.д.), существуют тупость, дикость, идиотизм, неумение или нежелание справиться с куда более простыми вопросами? Может быть, желание самопознания и подтолкнуло нас к Чехову.

— Марк Анатольевич, вы полагаете, что сегодняшнюю публику и Чехов, и ваш спектакль чему-либо доброму, умному «научат»?

— Боюсь сводить театральные впечатления к утилитарным последствиям. «Пришел после спектакля домой и в корне изменился, получил». Когда-то, в пору борьбы с отдельными недостатками, на экранах появлялись комедии о том, что в отдельных магазинах, как шутили наши сатирики, нет отдельной колбасы. После огласки сего скандального факта колбаса будто бы появлялась. В такого рода «улучшение» средствами театра или кинематографа я не верю. На сознание и подсознание зрителя удивительным образом воздействуют — правда, не на всех и не всегда — некие импульсы большой литературы, живописи, музыки. Могу сослаться на собственный опыт. Возможно, я не увлекся бы театром, если бы в возрасте семи лет не посмотрел по МХАТе «Синюю птицу». Пьеса Метерлинка меня ошеломила. Я не очень понял, что происходит на сцене, не очень разобрался в довольно сложном сюжете. Но испил целебную чашу такой мощной сценической энергетики, которая еще очень долго жила во мне, питала мою жизнь.

— Ваш театр — элитарный, не так ли?

— Стараемся избегать такого определения. Билеты на спектакли в нашей кассе стоят не больше пяти тысяч — суммы смешной по сравнению со стоимостью больших туб «пепси-колы». Здесь есть некий загадочный аспект. Не знаю, как относиться к нему, с радостью или печалью. Тут же наши билеты перепродаются по цене 20–30 тысяч, а то и больше. По достоверным сведениям, на одной из премьер «Чайки» раскупалась по 70 долларов. Возможность контролировать подобные коммерческие процессы у нас нет. Мне также известно, что в некоторых городских киосках уста-

комсомола. Софья Владимировна Гиацинтова, в ту пору главный режиссер этого театра, отзывалась о его игре так: «Когда у него слов нет — пусть выходит на сцену. Если же есть — пусть лучше молчит!» Его «человеческий материал» еще не был готов тогда для князя Мышкина, которого он потом блестяще сыграл в БДТ у Георгия Александровича Товстоногова; либо была просто та стадия, когда и режиссер, и он сам не разглядели заложенных в нем возможностей. Очень часто я замечал: актеры, которым удаются «вещи» очень высокого класса — отношусь к таким с большим вниманием, — не в силах исполнить что-либо несложное, не представляющее трудности для среднего актера. Вот один из признаков проявления некоей неординарности, странности, аномалии, которая впоследствии может обернуться если не гениальностью, то весьма высокой одаренностью.

— Каковы, на ваш взгляд, причины деградации либо, напротив, взлета того или иного театрального коллектива?

— В основном возрастные. Немирович-Данченко и Станиславский считали, что театру, если он удачно стартовал, доведется существовать лет двадцать. Затем — кризис. Правда, сам МХАТ на примере 2-й Студии, за счет которой он обрел плеяду блистательных молодых актеров (Андровская, Хмелев, Яншин... — поколение, продлившее его жизнь не на один десяток лет), поставил под сомнение этот постулат своих корифеев. Вот и мы, просуществовав определенное количество лет — у «Ленкома» долгая и богатая история, — воспитали группу молодых актеров так называемого второго поколения. Новую талантливую генерацию, которая проявилась в спектакле «Безумный день, или Женитьба Фигаро» Бомарше. Надеюсь, что это реальный факт продления творческой жизни «Ленкома». Хотя в будущем не исключены и кризисы, спады, неудачи. Будем надеяться, что неизбежны и радостные мгновения. У любого театра достаточно сложная кардиограмма.

Гостя принимала
Елена КОНСТАНТИНОВА.
Фото Бориса КРЕМЕРА.